

Л. Г. АГАМАЛЯН

**КНИГА П. Г. ГАГАРИНА
«ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ, ИЛИ ФИНЛЯНДИЯ»
И ПАРОДИЯ НА НЕЕ П. А. ОЛЕНИНА
«ТРИНАДЦАТЬ ЧАСОВ, ИЛИ ПРИЮТИНО»**

Небольшая книжка «Тринадцать дней, или Финляндия» (St-Pbg., 1809) была написана и опубликована анонимно в 1809 г. князем Павлом Гавриловичем Гагариным (1777—1850), генерал-адъютантом, сопровождавшим в 1809 г. Александра I в его поездке в Финляндию.¹ В том же году в московской типографии Платона Бекетова был издан ее русский перевод, а в «Русском вестнике» С. Н. Глинки были помещены отрывки в переводе на русский язык.² Переводчики в обоих случаях не названы.

Благодаря актуальности темы, книга сразу привлекла к себе внимание. Так, В. А. Жуковский в письме к А. И. Тургеневу из Белева от 15 сентября 1809 г. просил прислать ему «„Les treize journées“ de Gagarine».³ Чуть раньше 4 августа 1809 г. в письме к А. С. Кайсарову А. И. Тургенев упомянул «Тринадцать дней...», назвав сочинение Гагарина «сентиментальным психологическим и статистическим путешествием» и «пустой книжкой».⁴ Однако современный исследователь Н. М. Молева, со ссылкой на Н. И. Новикова, отмечает, что труд Павла Гагарина относился к числу изданий, которые «весьма похвалялись современниками».⁵

«Тринадцать дней» — первая русская книга о Финляндии.⁶ Год спустя в «Вестнике Европы» был опубликован очерк К. Н. Батюш-

¹ См. о нем: *Кочеткова Н. Д.* Павел Гаврилович Гагарин // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 191.

² *Русский вестник.* 1809. Ч. 8. № 1. С. 351—390.

³ *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 466.

⁴ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 393.

⁵ *Молева Н. М.* Московские загадки. М., 2008.

⁶ См.: *Науменко В.* «Здесь, на конце России исполинской...». Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII—начала XIX века. Ярославль, 2010. С. 343—359.

кова «Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера», с описанием суровой природы северной страны.⁷ В 1841 г. Я. К. Грот в письме от 5 февраля к П. А. Плетневу, собиравшему материал для статьи «Финляндия в русской поэзии», писал: «Батюшкова картина Финляндии здесь (в Финляндии. — Л. А.) вовсе не пользуется репутацией *верности*, напротив! Притом она уже известна финляндцам, и вы о ней много не распространяйтесь. Известны ли вам письма князя Гагарина (кажется) из Финляндии, под заглавием: *Тринадцать дней в Финляндии*. Пробегите ее: может быть, что-нибудь выпишите».⁸ По мнению эстонского исследователя Эйно Карху, в книге Гагарина особенно интересны сведения о характере финской народной культуры, несмотря на то что они заимствованы, как предупреждает сам автор, из некоего иностранного сочинения.⁹ Художественные достоинства книги Гагарина Эйно Карху ставит под сомнение, предполагая, что именно поэтому П. А. Плетнев не воспользовался советом Я. К. Грота.

Князь П. Г. Гагарин начал свою литературную деятельность в тринадцатилетнем возрасте с перевода книги Дж. Литтлтопа «Опыт чувствительности, или Письмо одного персиянина из Лондона к другому». Перевод был осуществлен с французского перевода Ж.-П. Флориана и опубликован в 1790 г. В последующее десятилетие Гагарин печатал в журналах «Чтение для вкуса» и «Приятное и полезное» стихи, подписывая их «К. П. Г.» и «Кн. Па. Га.». В 1811 г., собранные вместе, они составили поэтический сборник «Эротические стихотворения» (СПб., 1811). Однако в историю русской литературы П. Г. Гагарин вошел прежде всего как автор книги «Тринадцать дней, или Финляндия».

Сочинение князя П. Г. Гагарина было посвящено одному из важнейших политических событий начала XIX в. — присоединению Финляндии к России, ставшему главным итогом Русско-шведской войны 1808—1809 гг., и, следовательно, — исполнению Петровских планов по достижению безопасности северо-западных границ России.

Зимняя кампания 1808 г. была для русской армии очень успешна. Весной русская армия одержала выдающуюся победу: была взята неприступная крепость Свеаборг, «Гибралтар Севера». Уже спустя месяц после начала войны (9/21 февраля 1808 г.), русское правительство

⁷ Очерк написан во второй половине 1809 г. Дата в конце текста проставлена автором. Впервые напечатано: Вестник Европы. 1810. № 8, с заголовком: «Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера». К. Н. Батюшков находился в Финляндии в составе русских войск с мая 1808 по май 1810 г.

⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1—3. СПб., 1892. Т. 1. С. 230. Выделено автором.

⁹ Карху Э. Финляндская литература и Россия. 1800—1850. Таллин, 1962. С. 95—96.

смогло опубликовать декларацию «О ПОКОРЕНИИ ШВЕДСКОЙ (юго-западная часть) ФИНЛЯНДИИ И О ПРИСОЕДИНЕНИИ ОНОЙ НАВСЕГДА К РОССИИ».¹⁰ Декларация была односторонним актом России, изданным во время ведения военных действий, еще за год до формального окончания войны и подписания мирного договора со Швецией. Последовавший за этим переход шведской армии в наступление, партизанская война в Финляндии в течение осени, зимы и весны 1809 г. ничего не изменили, хотя и оттянули на целый год официальное заключение мира и привели к большим жертвам со стороны как русской армии, так и финляндского населения и шведских войск.¹¹

Заключение мира со Швецией должно было состояться (но не состоялось) 16 марта 1809 г. Александр I специально прибыл к этому времени в г. Борго (Порвоо). В свите императора находился и генерал-адъютант кн. Павел Гаврилович Гагарин. За день до этого Александром I был подписан манифест: «Марта 15-го дня 1809 г. Божью Милостью Мы Александр первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии; во удостоверение чего и сию Грамоту собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили. В городе Борго Марта 15-го дня 1809 г.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако: Александр».¹²

После принесения всеми сословиями (первым финским сеймом) присяги 23 марта/4 апреля 1809 г. в церквях Финляндии был обнаружен еще один манифест: «Мы Александр I Царь и Самодержец Всей России etc. etc. etc. Великий Князь (в отношении к) Финляндии

¹⁰ ПСЗ. Т. XXX. 1808—1809. С. 129—130.

¹¹ 17/29 сентября 1808 г. в мызе Лахтая было подписано Соглашение о перемирии. Наступление возобновилось 15 октября 1808 г. 7/19 ноября 1808 г. в деревне Олькиоки (Ольки-йоки) было подписано новое перемирие, которое действовало до 6/18 марта 1809 г. В этот день русские войска форсировали р. Кемь и двинулись к шведско-финляндской границе. Полное военное поражение шведской армии, перенесение боевых действий на территорию коренной Швеции и создание угрозы взятия Стокгольма привели к государственному перевороту в Швеции, свержению короля Густава IV как монарха, проигравшего войну, и к просьбе нового шведского правительства начать переговоры о перемирии с Россией.

¹² Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.

etc. etc. etc. Сим объявляем: После того как собрали Мы Сословия Финляндии на общий Ландтаг и приняли их присягу верности, пожелали мы при сем случае, чрез торжественный Акт, в присутствии их изготовленный и в Святилище Всевышнего объявленный, укрепить и заверить (удостоверить) сохранение их Религии и grundlagar вместе с вольностями и правами, коими каждое Сословие в особенности и вообще все жители Финляндии пользовались. Вместе с тем сообщая этот Акт нашим верным подданным в Финляндии, желаем мы вместе с тем дать им знать, что т. к. Мы придерживаемся и сообразуемся с древним обычаем сей страны, то считаем Мы клятву Верности, свободно и без принуждения принесенную вообще Сословиями, а в частности и депутатами Крестьянского Сословия за себя и за место оставшихся дома собратий их, — за имеющую силу и обязывающую всякого жителя Финляндии, без исключения. Вполне убежденные, что добрый и честный Народ сей всегда будет в отношении Нас и наших Преемников сохранять ту же верность и нерушимую преданность, коими Он всегда отличался, Мы не преминем с помощью Всевышнего оказывать ему в дальнейшем доказательство Нашей постоянной Отеческой заботы об Его счастье и преуспевании. Борго, 23 марта 1809. Александр».¹³

Итак, «Тринадцать дней, или Финляндия» — сочинение, запечатлевшее торжество русского оружия и русской государственности.

Именно эта, документальная, если можно так сказать, сторона сочинения Гагарина удостоилась внимания С. Н. Глинки, поместившего в «Русском вестнике» перевод, названный «Выписки из книги под заглавием «Тринадцать дней, или Финляндия». Патриотическое направление журнала, заявленное эпиграфом: «Мила нам добра весть о нашей стороне, // Отечества и дым нам сладок и приятен» (Державин), — определило содержание публикации. «Выписки» касаются пребывания Александра I в Борго, Гельсингфорсе и Або, присяги сейма; обозрения покоренных земель и крепостей, а также включают прилагающийся к основному тексту в виде второго параграфа (части) «сбор из книг»: «Нравственное обозрение Финляндии» и «Физическое обозрение Финляндии».¹⁴ Все остальное С. Н. Глинка опускает, включая даже упоминания о погоде, которые имеются в каждой записи автора, являясь почти лейтмотивом.

Между тем сочинение Гагарина объективно сложнее.

«Тринадцать дней, или Финляндия» написано в форме *дневника* и в жанре *сентиментального путешествия*, столь модном в конце XVIII—начале XIX в. В отличие от Путешественника Карамзина

¹³ Там же. С. 136—137.

¹⁴ В книге — «Моральный взгляд на Финляндию» и «Физический взгляд на Финляндию».

герой Гагарина едет не по своей прихоти, а «по казенной надобности»: он член свиты императора. По классификации Т. Роболи, путешествие Гагарина может быть отнесено к «гибридному типу, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.»¹⁵ Текст включает:

— описание официального визита, подробно и максимально объективно фиксирующего его по дням;¹⁶

— путевой очерк;

— субъективно-лирический дневник.¹⁷

Книга Гагарина содержит описания с приложением карт вновь приобретенных земель — диких, безлюдных и вместе с тем уже российских. Автор рисует торжественную картину церемонии въезда императора в Борго, обеда, открытия «диэты» (сейма), молебна, речи Александра I, присяги дворянства, духовенства, купечества и крестьянства, пребывание императора в Або... Наконец, в ней перечислены победы, одержанные «русскими орлами над шведскими львами», в том числе взятие знаменитого укрепления Свеаборга, «нового Гибралтара». Запечатлеть все это — цель автора, но не единственная.

Книга обладает всеми признаками «сентиментального путешествия»: дневниковой формой, приятностью слога, пестротой содержания. Она содержит бытовые наблюдения, рисует лица, костюмы, тон общества, бал, обед, включает анекдоты, замечания о местных нравах, рассуждения по различным поводам. Она наполнена самыми противоречивыми чувствами, содержит многочисленные стихотворные вкрапления, лирические отступления, как правило обращенные к возлюбленной. Рассыпанные по всему тексту, эти обращения соединяют пестрые впечатления в единое целое.

¹⁵ Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. Л., 1926. С. 48.

¹⁶ Например: «15 марта в Борго. <...> время приближалось к полудню, как колокола и пушки возвестили городу Борго прибытие Российского императора. Он показался верхом <...>. Его Величество проезжал между двух рядов войска своего и сошел в изготовленный для него дом. Тут принял он поздравления от Депутатов Финляндской диэты...»; «16 марта в Борго <...>. Балдахин из серебряной парчи, расцвеченной золотом и с вензелем АЛЕКСАНДРА, держанный четырьмя генерал-майорами, имевшими по четыре штаб-офицера ассистентами, ожидал Государя внизу лестницы. Император сошел около десяти часов утра, сел на трон и церемония началась» // Гагарин П. Г. Тринадцать дней, или Финляндия. М., 1809. С. 16—17. В дальнейшем все цитаты из книги Гагарина даются по этому, единственному изданию, с указанием страницы в круглых скобках.

¹⁷ Н. Д. Кочеткова в своей статье о П. Г. Гагарине приводит слова некоего офицера, вспоминавшего о беседах с ним: «...рассказы исторические, мешаясь с рассуждениями, передавались красивой речью, пересыланною веселюю острою». В этих воспоминаниях содержится и упоминание о том, что князь вел интересный дневник, из которого читал ему отрывки (*Кочеткова Н. Д.* Павел Гаврилович Гагарин // *Словарь русских писателей XVIII века.* С. 191).

Эти, если можно так выразиться, эпический и лирический планы равнозначимы. Уже название книги отменяет иерархию, хотя формально тема присоединения Финляндии и царского визита может показаться основной. Название же первой и главной части (параграфа) «Чувствования, или путешествие» подчеркивает общий сентиментальный характер книги.

Вторая часть обозначена автором, как «Сбор из книг, или наука на us, посвященная ученейшему». Она открывается пространным французским эпиграфом из Жозефа Бершу (Berchoux)¹⁸ о предпочтении простых домашних радостей тщеславной погоне за науками в чуждых странах. Выписки из книг автор посвящает «иссохшим от науки мужам», которыми «набит мир» и у которых «место гения занимает память, а место дарования чужие книги». При этом он шуточно сетует на то, что «злосчастная любовь» к Коре возмущает его спокойствие, отвлекая от «произведений чернильницы и пера».

Серьезность предмета исследования снижена авторской интонацией. Можно сказать, что стилистическая доминанта всей книги Гагарина — ироническая. Ирония подчас едва уловима, но присутствует даже в описаниях официального визита: «Колокола и пушки также участвовали в празднике, я забыл, было, то сказать; но разве не знают, что без их грома не бывает великих торжеств» (С. 18). «После был бал. <...> Праздник? Он был хорош; издержки достались Императору, честь Депутатам, а труд без удовольствия мне!» (С. 21).

Что касается лирических страниц сочинения П. Г. Гагарина, являющихся отступлениями от основной темы, то подчеркнутая серьезность наивных суждений и умозаключений, вытекающих из самых простых бытовых фактов, не позволяет усомниться в умысле, т. е. в авторской иронии, которая усиливается постоянными призывами к возлюбленной Коре.

«Отступления, бесспорно, подобны солнечному свету; — они составляют жизнь и душу чтения. — Изымите их, например, из этой книги, — она потеряет всякую цену: — холодная, беспросветная зима воцарится на каждой ее странице, отдайте их автору, и он выступает как жених, — всем приветливо улыбается, хлопочет о разнообразии яств и не дает уменьшиться аппетиту».¹⁹

Изъятие отступлений как раз и произвел С. Н. Глинка. Перевод, помещенный в «Русском вестнике», отличается подчеркнутым лаконизмом и строгостью.

В 1809 г. появился еще один особый отклик на книгу П. Г. Гагарина. Автором пародии «Тринадцать часов, или Приютино» стал

¹⁸ Жозеф Бершу (1765—1839) — французский поэт, автор шутивно-дидактических поэм.

¹⁹ *Стери Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 81.

14-летний портупей-прапорщик л.-гв. Семеновского полка Петр Алексеевич Оленин (1794—1868). Рукопись в виде тонкой тетрадки находится в фонде Олениных в ОР РНБ.²⁰ Сочинению предпослан эпиграф: «И моя денежка не щевата». Внизу листа подпись: «Соч. П. А. Оленина» и приписка сестры автора В. А. Олениной: «В насмешку путешествия Карамзина. В. Аленина».²¹

Предположение о том, что Петр Алексеевич Оленин, возможно, пародирует сочинение «*Les treize journées, ou la Finlande*» («Тринадцать дней, или Финляндия»), первым высказал В. М. Файбисович.²² Однако идею он не развил, предположив, что П. А. Оленин может пародировать собственно название популярной книжной новинки.

По размеру «насмешка» Оленина соотносится с книгой Гагарина как тринадцать часов с тринадцатью днями. Путешествие Оленина составлено из 13 записей — по часам. В 11 часов молодой человек выезжает из дому и в 11 часов вечера возвращается к «своим пенатам». Путешествующий описывает свой маршрут, совпадающий, по всей видимости, с маршрутом, которым Оленины ездили в свою пригородную усадьбу Приютино, упоминая важные достопримечательности столицы: Фонтанку, Царицын луг, Неву. Летний сад, домик Петра Первого, мосты, дачи, Охтинские пороховые заводы... Маленький путеводитель в Приютино весьма занятен.

При сопоставлении текстов становится ясно, что П. А. Оленин, пародируя книгу П. Г. Гагарина в ее русском переводе,²³ сосредоточен прежде всего на лирическом плане. Название, дневниковая форма, ритм текста, сохранение исчезнувшего у С. Н. Глинки лирического героя-повествователя, его многочисленные обращения к воображаемой возлюбленной, именуемой «поэтичным» именем Вава, — все эти характерные особенности указывают на источник вдохновения юного сочинителя.

«Тринадцать часов, или Приютино» имеет подзаголовок «Путешествие, Или Сурово не бело, свое рукоделие» и второй эпиграф:

Мне нужды в том необходимой
Никто не может доказать,
Чтобы, забыв язык родимый,
Нам должно на чужом писать.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 542. № 627.

²¹ Впервые опубликована Л. В. Тимофеевым в кн. «Приют, любовью муз согретый». СПб., 2007. С. 112—119.

²² Файбисович В. М. А. Н. Оленин. СПб., 2007. С. 402.

²³ Л. В. Тимофеев в кратком сопровождающем публикации комментарии также называет в качестве пародируемого источника книгу П. Г. Гагарина. Однако он считает, что П. А. Оленин знакомился с французским вариантом текста, что, безусловно, свидетельствует о том, что публикатор не читал сочинения Гагарина: текст пародии во многих местах дословно совпадает с русским переводом, перефразируя его.

Затем на русском и мараю,
Хоть вздор на оном напишу,
Да в люд чужой не выпускаю
И сор из изб не выношу.²⁴

Они указывают на домашний характер сочинения, а также на принципиальное отличие от путешествия П. Г. Гагарина, написанного по-французски. «Перевод» на «родимый», или простой, язык — стилистический сбой — прием многократно использованный пародистом. Прежде всего это касается стихотворных вставок, характерных для литературы путешествий. Так, вышеприведенный эпиграф Оленина соответствует французской цитате из Бершу у Гагарина: «Нет, нет под эфирным сводом прелестнее той страны, того жилища, как то, в котором каждый год видишь постоянную подругу и новые весны» (С. 4).

Многочисленные отступления в книге П. Г. Гагарина носят, по мысли автора-героя, камерный, домашний характер безделиц. Они касаются лишь до него самого, здесь повествователь то чувствителен, то восторжен, то ироничен. Например: «На всех почтовых переменах видел я себя предметом общего любопытства и мыслил: когда море бывает свободно и океан посылает корабли свои в Неву, тогда привезенный на Петербургскую биржу попугай, красящийся пером своим и лепетаньем, собирает вокруг себя толпу людей. Когда в большой деревне и в большой праздник нескладный, но выученный и умеющий под палкою хорошо плясать медведь собирает также вокруг себя охотников до зрелищ. То и я, подобно им, привлекающий на всех переменах лошадей к себе зрителей, что ж был я для них! Медведь или попугай?» (С. 42).

Отступления часто содержат также иронические — рассуждения философического характера, обобщения и умозаключения, самооценки. Например: «По мере приближения моего к Або чаще стал я усматривать красивых женщин, из чего и заключил, что лучший в Финляндии народ обретается в окрестностях своей столицы. Заключение, столь же основательно сделанное, сколько и многие другие заключения, учиненные путешественниками и принятые ныне за истины» (С. 43). Петр Оленин чутко улавливает эту интонацию самоиронии: «...поворачивая к Летнему саду, взглянул я на сидящего подле меня бусурмана и, увидев, что он надевает очки, заключил из того, что он близорук» (С. 112).

Для книги Гагарина характерно «сочетание лирического тона повествования с ироническим скептицизмом», отмеченное иссле-

²⁴ Оленин П. А. Тринадцать часов, или Приютино // Приютино. Антология русской усадьбы / Сост. и коммент. Л. Г. Агамалаян и И. С. Ефимовой. СПб., 2008. С. 344. В дальнейшем пародия П. А. Оленина цитируется по этому изданию, с указанием страницы в круглых скобках.

дователями как неременная черта сентиментальных путешествий конца XVIII—начала XIX в.²⁵ Именно эта особенность сочинения П. Г. Гагарина, безусловно, стала стилиобразующей основой трагедии юного П. А. Оленина.

Сочинение П. Г. Гагарина начинается с обращения мыслями к покинутой Коре: «Когда я стану глядеть, тогда и она также станет глядеть, когда я буду чувствовать, тогда и она будет также чувствовать» (С. 6). Путешествие Оленина также открывается обращением к оставленной возлюбленной, обещанием помнить о ней и все для нее описать: «Ты не была со мною! Но я смотрю за тебя. Всякой предмет, взору моему встречающийся, будет предан тебе как волшебным фонарем, и я все опишу» (С. 344).

Обращения к Ваве — наиболее яркий пародийный прием, пронизывающий и скрепляющий фрагменты текста. Причем снижение происходит как на уровне сюжета и образа, так и на уровне языка. Подобно Гагарину Оленин, отправляясь в путь, воссылает молитву возлюбленной. Гагарин: «Я молил божество мое: усердные и чистые молитвы в воздухе не исчезают; но с быстротою орла взлетают в высоты! Несомненно прияло уже их небо: и так, я могу ехать!..» (С. 7). У Оленина чувствительная интонация заменяется прозаической и иронической, несмотря на то что «молитва» облечена в стихотворную форму:

«О! божество мое со мною,
Сбирайся налегке в сей путь.
Покройся розовой фатою,
Чтоб в уши ветр не мог задуть.
Поедем же, мой друг прекрасный,
С тобой не сяду я на мель,
И по пословице — в день ясный
Возьмем на случай мы шинель!

От души помолился я божеству моему, и теплые мои молитвы дойдут до нее не хромая. — Теперь могу ехать» (С. 345).

Насмешник иногда целиком воспроизводит восклицания Гагарина, предваряя или заключая ими подчеркнута прозаические замечания, наблюдения. Так, у Гагарина: «Сия страна усыпана холмами, покрыта елями <...>. Для лучшего же разнообразия в видах видишь захирелые березы <...>. О, ты! Для кого я пишу сие и для кого я думаю, — прости, что остановил я взоры твои на сих скучных предметах» (С. 12—13).

²⁵ Вольперт Л. И. Стернианская традиция в романах Евгений Онегин и Красное и черное. Цит. по: Банах И. В. Традиции Л. Стерна в сентиментальных путешествиях «малых стернианцев» конца XVIII—начала XIX века // Третьи майминские чтения. Псков, 2000. С. 4—10.

У Оленина: «Между деревьев много грибов, а в болотах живут кулики. Грибы и кулики, какая красноречивая речь для любящего хорошо обедать человека!

О, ты! для кого я пишу сие и для кого я думаю, — прости, что остановил я взоры твои на сих скучных предметах» (С. 347).

Одним из самых ярких и повторяющихся пародийных приемов, используемых Олениным, становятся «философские умозаключения», глубокие замечания «на мелком месте». Этот прием обнажен уже у П. Г. Гагарина: «Благодарение стуже! <...> которая всюду отверзала путь через озера и реки <...>. Нет упреки! Она <...> поморозила всю мою маленькую провизию и пальцы мои, готовившиеся служить моему аппетиту. Упреки стуже! И вот как в сем мире одинакая вещь заставляет нас хвалить себя и порицать» (С. 7). Ср. у Оленина: «С мосту по правой стороне видели мы развалины бань — и это заставило нас рассуждать о непрочности людских предприятий. Давно ли купался в них как утка, — говорил я, — а теперь они исчезли <...>. Несколько тысяч рублей потоплено в Неве, а с ними и надежды содержателя — нещастие, случившееся с ними, известно всему купающемуся свету. Падение оных было выгодно для Гагаринских²⁶ — итак, нет худа без добра!» (С. 346). У Оленина краткость резюме, сведенного к поговорке: «нет худа без добра» (вместо сложного оборота «в сем мире одинакая вещь заставляет нас хвалить себя и порицать»), — подчеркивает банальность или очевидность «полезного умствования».

Подчас Оленин целиком переписывает фрагмент текста Гагарина, цепляя философический пассаж к подчеркнуто низкому предмету. Так, у Гагарина: «У древней сей Шведской заставы видел я дверь, украшенную сучьями елей <...> Украшения сии называют *триумфальными арками*; а для чего? То же ли оне, что были в Риме? Нет! — И так лучше назовем их *поздравительными арками*. Языки выиграли бы в подобных сему поправках, и некоторый ученый не сказал ли, „что заблуждения оттого только остаются при нас, что языки наши не имеют надлежащей исправности и ясности!“ Итак, могли бы мы иметь чистые языки и быть свободными от заблуждений!!! Мечта!!!» (С. 12. Выделено автором).

Юного Оленина на размышление о языках и заблуждениях наводит вид трактира: «На Выборгской стороне, проезжая мимо трактира, подумал я: таковы ли они в Германии. Естьли не таковы, то зачем же не дадим им другого имя, для чего не назовем их путеприятными.

²⁶ Упоминание «гагаринских» бань вновь отсылает нас к автору пародируемого источника. Вероятно, речь идет о банях, прилежавших к дому Гагариных или им принадлежавших. Указом Петра I домовладельцам было разрешено ставить мыльни. Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня. Среди горожан бани были известны либо по фамилии содержателя, либо по фамилии владельца дома, в котором они находились, либо по какой-либо примечательности в округе.

Языки выигрывали бы таковыми исправлениями. И не сказал ли один ученый, „что заблуждения наши существуют от того, что мы говорим неправильно и неясно“. И так мы бы могли иметь чистые языки и быть без заблуждений!!!.. Мечта!!!..» (С. 113).

Наличие легкой иронической интонации у Гагарина часто становится очевидным, усиливается «ответной» насмешкой Оленина: Ср. у Гагарина: «Здесь, где Россия, я вижу деревянную кордегардию с аркадами и с некоторою архитектурною роскошью, выкрашенную белую, черною и оранжевою красками: это граница сильного государства» (С. 10). У Оленина: «Красной, белой и черной краской расписанная застава представилась нашему взору. Мы ее проехали, прописавшись втроем. Я говорю втроем, потому что и тебя, о! Вава, прописали. Не сердись, друг мой, разве не была ты в моем воображении — так я считал за грех утаить сие от унтер-офицера» (С. 346).

Отметим, что в начале своего «путешествия» Оленин пытается «следовать по пятам» за текстом Гагарина, однако постепенно он обретает свободу и, сохраняя общее пародийное поле, выхватывает из травестируемого текста наиболее яркие обороты, образы, используя их по вдохновению. Так, рефлексирова по поводу золотого века, Гагарин восклицает: «*Кора!* если бы мы жили в те времена, в которые каждое дерево представляло из себя Дриаду <...>. В щастливые те времена все дышало вокруг нас жизнью и поэзиею!» (С. 13—14).

Оленин возражает: «Повесив шляпу мою на ветку, радовался я, что мы не живем в те времена, когда каждое дерево считали за дриаду. Тогда б не знал я, что делать мне с шляпой, не смея повесить ее на нос какой-нибудь дриады, должен бы был иметь ее на голове, а это, о Вава! беспокойно» (С. 348—349).

Вид бесплодных гранитных камней, «современников потопа», вызывает у героя Гагарина мысли о сыне Прометея, прародителе людей Девкалионе и его жене Пирре:²⁷ «Сии граниты <...> *Кора!* не рассказывают ли они тебе, как и мне, полезную мораль: что там, где стужа, все умирает, и что для произведения вещей прекрасных нужно быть, как Девкалиону и Пирре, всегда двум» (С. 14).

²⁷ Когда разгневанный на людей «медного века» Зевс решил наслать на Землю потоп, правивший городом Фтия в Фессалии Девкалион и его жена Пирра были единственными праведниками, которым царь богов разрешил спастись. По совету Прометея Девкалион построил большой ящик («ковчег»), на котором он и Пирра спаслись во время девятидневного потопа, уничтожившего все человечество. На десятый день Девкалион увидел гору Парнас и высадился на ней. Принеся жертвы Зевсу-Фиксию («Дающему убежище»), Девкалион получил от него совет, как возродить человеческий род. Закутав головы и распустив пояса, Девкалион и Пирра должны были бросать через голову «кости прааматери». Догадавшись, что «костями прааматери» божество называет камни — кости всеобщей матери людей Земли, Девкалион выполнил приказ. Из камней, брошенных Девкалионом, возникали мужчины, Пиррой — женщины.

Перекладывая греческую мифологию на русский лад, Петр Оленин обращается к Ваве: «Чтоб отдохнуть, обрати их (взоры. — Л. А.) на сей цветок, названный простолюдинами Иван-да-Марья. Пусть ботаник дает ему название латинское, но чувствительный человек всегда будет называть его по-русски. Не ясно ль имя сие доказывает, что естли природа захочет произвести что хорошее, то надобно быть всегда двоим вместе, как Иван да Марья» (С. 347).

Описание собрания депутатов при въезде императора в Борго оставляет Гагарина в раздумье: «Во многолюдстве сем один только имел палку в руке: *палку, обитую синим бархатом, вышитым серебряными цветами, с золотою на верхнем конце короною*. И это был маршал, или первенствующий в диэте. Итак, палка всюду есть знак начальства или уважения; но почему? Потому ли что служит она подпорою человеку, или потому что ею бьют!..» (С. 17. Выделено автором).

Описание шествия солдат на Пороховых заводах не оставляет места для сомнения: «Проезжая селение, встретили мы кучу солдат, перед которыми шел человек с камышовой палкой, имевшею костяной набалдашник. Это был унтер-офицер. Итак, палка повсюду есть знак власти или отличия. Но для чего? Для того ли, чтоб подпираться, или для того, чтоб бить? Об этом должно спросить шедших за унтер-офицером солдат» (С. 347—348).

«Великому и продолжительному» обеду в Гелисингфорсе, разнобразию, несовместимости и отчасти неудобоваримости кушаний противопоставлен обед в Приютино: он «был невелик, да сытен. Мы начали окрошкой. Кушанье простое, но питательное и любимое всем потомкам славян. Щи и кулебяка следовали за оной, потом подали хороший кусок говядины, обжаренный хлеб с горохом и часть телятины. Все заключено было творогом со сливками. Хозяин спросил вина, нам подали старого хорошего лафиту» (С. 349).

Оба описания завершают обращения к возлюбленной, подкрепленные поэтическими строчками: «Касаясь моими губами древней моей рюмке (так!) пил я за твое [здоровье] *Кора!* пил за *твою молодость* и воображал стих любимого мною стихотворца: «Сколь молодость всегда добра! И пр.» (С. 30).

«Лаская стакан мой окончанием губ моих, — вторит П. А. Оленин, — пил я, о Вава! твое здоровье, пил, чтоб нам никогда не разлучаться, вспоминая известный стих:

Тяжело лежати сизу перу на долине,
Тяжело жить сиротине на чужбине» (С. 349).²⁸

²⁸ Старинная народная песня «Как не пава свет по двору ходит». Ее самый ранний печатный вариант из сборника Чулкова был следующим (*Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1770. Ч. 1—IV. С. 607. № 89*):

Очевидно, что молодой Оленин оказался весьма чуток к словесным фигурам, красотах стиля первоисточника, по всей видимости старательно воспроизведенным переводчиком: заметив и подхватив выразительный оборот, он усиливает эффект повтором. На балу герой Гагарина подмечает особу, походящую на Кору, «приятность которой любезнее самой красоты» (С. 30). Чуть ниже, говоря о провинциальных девах, Гагарин повторит оборот, привлекая внимание пародиста: «Как изобразить эту кокетственную невинность и это невинное кокетство?» (С. 38). На рисунке одного из художников в Приютино среди танцующих нимф Петр Алексеевич замечает одну, похожую на Ваву: «...она имеет приятность привлекательней красоты и красоту приятности приятней» (С. 349).

И все же главный используемый пародистом прием — последовательное снижение патетической, возвышенной-чувствительной интонации, подчеркнута прозаическая интерпретация поэтических мечтаний.

Вот как описывает Гагарин живописные окрестности Або: «К романтическим сим местоположениям недостает только избылнейшего растения; меньшего числа елей и, когда бы то возможно было, нескольких тех счастливых чад солнца, тех Вавилонских ив, тех Ливанских кедров, тех пирамидальных кипарисов, из коих один посреди ландшафта рождает поэзию» (С. 33). Этой картине у Оленина соответствует описание соседнего с Приютиным Рябова, с присовокуплением новых, недостающих ему красот и завершающегося песенным четверостишьем, фиксирующим неодолимость фантастических мечтаний: «Местоположение прекрасное, но чтоб сделать его совершенным, надо климат Италии, кедры Ливанские, Вавилонские ивы, пирамидальные кипарисы и Петергофские фонтаны. Сие бездельное желание похоже на песню — „я птичкой быть желаю“, которая кончится:

Хоть птичкой быть не можно,
Но мыслью веселюсь —
Ласкать себя возможно,
Хоть век не пременюсь» (С. 350).²⁹

Как не пава свет по двору ходит,
Не павлиные сизы перья роняет,
Тяжко лежати сизу перу во долине,
Трудно жити сиротине во чужбине.

²⁹ «Я птичкой быть желаю» — популярная песня неизвестного автора XVIII в. Впервые напечатана в изд.: «Молодчик с молодкою на гулянье с сельниками, поющими новые песни...». СПб., 1790; одновременно в «Journal de Musique...», St-P., [1790]. Была опубликована в «Собрании новейших песен и разных любовных стихотворений» (М.: В Унив. тип., у в. Окорочова, 1791. С. 83--84). Песенку поет Ужима в 6 явлении комедии Крылова «Пирог», ра-

Наблюдению над зеваками в Або, высыпавшими на улицы и каналы, высунувшихся из чердачных даже окон, разобравших крышу дома, дабы *посмотреть на русского императора*, «На что? — На человека. Но на какого человека? — На такого, именем которого производится все зло и добро в целом государстве!...» (С. 34) соответствует описание реакции крепостных в Приютине на появление барина: «Побыв в доме, пошли гулять. Мы шли мимо крестьянских домов — на нас со всех сторон смотрели — я люблю зевать на зевак; человек, смотря на какой-нибудь предмет с совершенным любопытством, забывает себя, движения бывают тогда неестественны и странны. День был воскресный — так и зевак было много — зеваки в окошках, зеваки в дверях, один из них, проломав крышку старого сарая, просунул голову в дыру и смотрел. На кого? На человека. Но на какого? На того, чьим именем в приютинской округе делается все зло и добро — смейтесь теперь над моим зевакою!!!...!!!» (С. 349—350).

Обратный путь в обоих текстах сопровождается явлением таинственным, почти мистическим, которое, впрочем, к сожалению обоих авторов, объясняется вполне прозаически. «Между тем...», — пишет Гагарин, — услышали мы в недалеком от нас расстоянии сперва слабый и крайне плачевный, потом другой и многие вдруг вопли <...> скорое мое воображение перенесло меня немедленно к временам волшебниц и колдунов. Это, говорил я сам себе, торжественный их час <...>. Я почитал себя присутствующим тогда на одном из их *сборищ*. Но мне сказали, что это были *волки*. Прощай мечта!» (С. 31). Стон, пугающий Петра Оленина, воображившего, что «все ведьмы и колдуны идут к нему навстречу», оказывается воем дворовых собак. «Открытие» сопровождается разочарованием: «Прощай, мечта» (С. 351—352).

Дом встречает путешественников привычными вещами и лицами. Герой Гагарина прижимает к сердцу друга и дарит благодарение Пенатам (С. 46). Оленина встречают запертые жестоким дворником ворота, проснувшийся от стука брат выговаривает ему за шум. Узнав, что все благополучно, за исключением пьяного слуги, усталый путник с облегчением восклицает: «Мои пенаты! Приймите мою благодарность» (С. 352).

В конце повествования П. Г. Гагарина читателю отрывается тайна имени, сопровождавшего его на протяжении всего текста: имени прекрасной и нежной возлюбленной, которым объединены все разнообразные впечатления и наблюдения, мысли и ощущения: «Имя *Коры!* Возвратись туда, откуда я тебя взял. <...> Чтобы получить обратно прекрасное сне имя, заржавелые петли ветхой двери не

зыгравшейся на домашней сцене Олениных (*Крылов И. А.* Полн. собр. драм. соч. СПб., 2001. С. 292).

будут скрипеть; и солома, покрывавшая ветхую кровать, не приведена будет в беспорядок: ни одна пастушка не называлась *Корою*.

Но храм Квитский отверзнет золотые свои врата, и летописи Перуанские возвратят себе имя дочери солнца» (С. 47). Итак, «имя Кору» отсылает читателя к знаменитому роману Ж. Ф. Мармонтеля «Инки, или разрушение Перуанской империи» или к одной из его литературных вариаций. Кора — перуанская царевна, жрица солнца.

Столь же неожиданный, но гораздо более прозаичный финал путешествия в Приютино: «Имя Вавы, возвратись, где ты взято мною. Сон клонит меня, — итак, возвратись на прежнее свое жилище. Кто же захочет взять его, чтобы воспеть по моему, тому скажу я, где найти его. Не ищите его ни в палатах, ни в хижине, а в клетке знакомого мне попугая — так называет он ходящую за ним женщину» (С. 352).

Травестия Петра Оленина легка, талантлива, безусловно, удачна. Трудно поверить, что автору нет и пятнадцати лет. Он обнаруживает незаурядное чувство стиля, литературный дар и вкус. Впрочем, нужно отметить, что юный автор был знаком с подобными литературными шалостями. Так, в 1806 г. в Приютине во время домашнего праздника была разыграна «Превращенная Дидона», представляющая собой «перелицовку» С. Н. Мариным «Дидоны» Я. Б. Княжнина. Сочиненный А. Н. Олениным сценарий этого праздника в картинах также представляет собой пародию на серии гравюр, запечатлевавших коронационные торжества, торжественные въезды и проч.³⁰ Позднее, в 1827 г. в именинный сюрприз «Чем богаты, тем и рады», разыгранный в Приютине для жены хозяина и составленный А. Н. Олениным из фрагментов различных драматических сочинений, вошла «сцена из вольтеровой „Заиры“, по-французски», превратившаяся в приютинском представлении в фарс. Самый трагический момент «Заиры» — гибель героини — был снижен за счет «отсебятины» с фальшивым носом и усами Оросмана, которого «оставили с носом».³¹

Обозначенное Варварой Алексеевной Олениной на первой странице рукописи сравнение с Карамзиным, конечно, не случайная ошибка.

Во-первых, в тексте «Тринадцати часов...» есть ссылка на Карамзина. Автор, не желая описывать анонсированное чаепитие — «7 часов. Чай, крестьянские девочки», — отсылает читателя к популярному источнику: «Подали чай. Как пьют его на воздухе, пространно описано нежным Карамзиным в сочинении — „день мой“ — туда тебя, Вава, отсылаю, прочитай его, и, может быть, пой-

³⁰ ОР РНБ. Ф. 542. № 353.

³¹ ОР РНБ. Ф. 542. № 37. См.: Приютино. Антология русской усадьбы. С. 478—480.

мешь». Сочинение «День мой» — одна из глав повести «Деревня», включенной в сборник «Мои безделки». Его «пространность» сильно преувеличена Олениным. Вот оно целиком: «Как приятен чай на чистом воздухе! Вечерние ароматы льются ко мне в чашку».³²

Во-вторых, «Тринадцать дней, или Финляндия» открывается французским эпиграфом: «*J'utilise mon inutilité*», что может быть переведено как: «*Безделки мои в дело пускаю*». Эпиграф, с одной стороны, содержит авторскую оценку сочинения. В то же время, он не может не вызвать ассоциаций с названием сборника Н. М. Карамзина «Мои безделки», вышедшего в 1794 г.³³ Эпиграф П. Оленина: «И моя денежка не шербата» — продолжает эту словесную игру. Таким образом, и книга П. Г. Гагарина, и пародия П. А. Оленина являются своеобразными отзвуками ранней книги Н. М. Карамзина. Вместе с тем нельзя совсем игнорировать и то обстоятельство, что любое сочинение в жанре путешествия в русской литературе в начале XIX в. не могло возникнуть без оглядки на Н. М. Карамзина.

³² Карамзин Н. М. Мои безделки. М., 1797. С. 280 --281.

³³ Ср. название соч. И. И. Дмитриева «И мои безделки» (1795).